

ного.² Житие это, во времена Нестора уже известное на Руси в славянском переводе, подсказало ему и композиционную структуру Жития Феодосия, и отдельные сюжетные ситуации, и даже некоторые стилистические формулы.

Житие Феодосия Печерского — сложное и громоздкое литературное сооружение, несомненно потребовавшее от Нестора долгого и напряженного труда.

В соответствии с неписанным литературным уставом, обязательным для каждого агиографа, Нестор предпослал Житию довольно большое вступление. Здесь есть все, чего устав этот требовал: и благодарность богу за то, что он удостоил его, Нестора грешного, поведать миру о жизни и деяниях угодника божьего, и просьба извинить его неискusstво («груб сын и неразумичен», «не бех учен никоеиждо хитрости»), и упование на помощь свыше в этом предстоящем ему многотрудном деле, которое превыше его силы, и ссылка на то, что жизнь и подвиги Феодосия еще никем не описаны, и просьба «с всяцем прилежанием» прослушать его повествование, и цитата о ленивом рабе (Матф., XXV, 26—27), и, наконец, молитва к богу, чтобы просветил сердце и отверз уста.

Вступление составлено из традиционных формул и клише, некоторыми из них Нестор уже воспользовался и в предшествующем своем труде — в «Чтении» о Борисе и Глебе. Отсюда, однако, не следует, что его вступление к Житию Феодосия — всего лишь холодная дань литературному обычаю. Формулы и клише не помешали Нестору сообщить этой требуемой жанром вступительной церемониальной беседе автора с читателем и характер своеобразной авторской исповеди, не лишенной искренности и лирической теплоты: подавленный сознанием высокой ответственности, Нестор делится с читателем своими сомнениями и колебаниями, своими страхами и надеждами ввиду предстоящего ему литературного подвига. Свидетельствуют об этом проявляющиеся и здесь, в начале Жития, некоторые черты его, Нестора, индивидуального стиля: отсутствие каких-либо нарочитых риторических украшений, умоляющие обращения к «возлюбленной» братии, автобиографические признания, бесхитростная простота интонаций.

Из вступления следует, что Нестор, готовясь «вся по ряду» рассказать о покойном печерском игумене, ставил себе прежде всего задачу обрисовать высокий идеал человека, доблестного «воина» божьего, целиком посвятившего себя добру, — в поучение и подражание потомству или, как выражается Нестор, «на успех и на устроение беседующим». Эта дидактическая задача тесно связана у Нестора и с другой, горделиво-патриотической, — на примере Феодосия Печерского показать, что и у нас на Руси («в стране сей») были святые угодники божьи, прославленные своей жизнью и подвигами («таков мужь явися»).

Так уже во вступлении определяется аспект, в котором Нестор покажет Феодосия. С первого же появления своего у Нестора Феодосий Печерский предстает перед читателем в «серафическом» образе идеально-положительного христианского героя — святого. И таким в основном он пройдет сквозь все Житие, сопровождаемый молитвенно-благоговейными эпитетами — «блаженный», «преподобный», «великий», «богодуховенный».

Сын благочестивых родителей (имена их не названы), Феодосий уже в раннем детстве — «избранник божий», «земной ангел и небесный чело-

² С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 1, стр. 148—149; здесь же указана и вся остальная литература по данному вопросу.